

Тодоровский Петр

6.11.02

Любовь как осознанная необходимость

Известие - 2002. - в калб. - с. 8.

В прокат выходит новая картина Петра Тодоровского

«Жизнь забавами полна» Петра Тодоровского — фильм без претензий. Как и повседневность, что отразилась на экране. Собственно повседневность и стала предметом этого фильма. Более того, она «попробовалась» на роль главной и единственной героини. Получился групповой портрет простых советских людей, переживших советскую власть. Представлен он ансамблем хороших артистов, среди которых стоит выделить Ирину Розанову, Ларису Удовиченко, Владимира Симонова, Юрия Кузнецова, Людмилу Аринину.

Юрий БОГОМОЛОВ

Петр Тодоровский в последнее время старается обойтись без отчетливо выраженного центрального героя. Прежде в его картинах непременно господствовал тот или иной лирический персонаж. Тот, который задаром показывает фокусы, — «Фокусник». Или та, которая однажды и навсегда полюбила механика Гаврилова, — «Любимая женщина механика Гаврилова». Ну и т.д.

А в фильмах «Анкор, еще анкор!», «Какая чудная игра» режиссер предпочитает многофигурные композиции, где задача автора в том, чтобы из обрывков разных судеб, из оттенков несхожих характеров, из подробностей каждодневного бытия сплести общую мелодию и красочно ее оркестровать.

Мелодия во всех случаях остается лирической, но с годами все усложняется и делается несколько драматичнее. Да и гармония дается автору много труднее. Оттого звучание ее — напряженнее раз от разу.

В последней работе это чувствуется особенно остро. То обсто-

ятельство, что в фильме «Жизнь забавами полна» автор выходит за рамки советской действительности, сильно усложняет его задачу.

Советский уклад чем был хорош? Он был естественно однородным и в том, что касается быта, и там, где автор касался такой тонкой материи, как мироощущение. Мы жили в рамках и рамках правил, данных нам свыше, в обстоятельствах, которые от нас не зависели. «Этот мир придуман не мною», — запевала Алла Пугачева. А мы ей подпевали: «Этот мир придуман не нами».

Мы жили в условиях военных гарнизонов, студенческих общежитий, коммунальных квартир, производственных коллективов... Потому всякое исключение из правила, хотя бы и незначительное, мгновенно замечалось, сразу же поэтизировалось, возвышалось... На этом замешены едва ли не все удачи нашего лирического кино 60–70-х годов — кинематографа Шпаликова, Володиной, Гребнева, Худиева, Даниели, Рязанова... Ну и разумеется, Петра Тодоровского.

А вот когда советская власть кончилась, жизнь бросилась

враспынную, и бытовой уклад утратил форму; он стал сплошным содержанием. Чтобы его как-то схватить и удержать, автор снова собирает своих разновозрастных героев в коммунальной квартире, ограничивает их местом действия — небольшим городок, где каждый должен знать каждого.

Знать-то они знают, но все они уже неинтересны друг другу. Кто-то склонен по советской привычке к показухе и припискам, но уже не на производстве, а в личной жизни. Другой казуничает в сфере предпринимательства. Прикованная к постели женщина-инвалид в мыслях уже простилась с этой треклятой коммуналкой и в мечтах благоденствует в далекой Австралии. Видная девушка Лариса придумала себе великую любовь с преуспевающим банкиром...

Каждый что-то придумал для себя и немножечко придумал самого себя. Каждый строит пирамиду своей личной и общественно значимой жизни. Каждый в чем-то и отчасти сам себе Мавроди. Ну а раз так, довольно несчастного случая, неважно — исторического или житейского, как все рушится.

Одна Лариса, пожалуй, настолько убедительно нарисовала свое счастье, свою великую любовь, что и сама во все это поверила, и всех заставила в это верить... Но едва она расслабилась, как жизнь обернулась смертью любимого. И снова надо собирать себя по частям.

...Тот, кто слышал импровизационные переборы Тодоровского на гитаре, — а он записал два диска — догадается, в чем умысел его художнических исканий. Там всегда можно прочувствовать одиночество и неприкаянность звуков, которые в конце концов находят друг друга.

В «Военно-полевом романе» есть такая сцена. Девочка тихо, для себя напевает песенку «Рио-Рита», а затем ее подхватывает симфонический оркестр.

Что-то похожее вышло в его новом фильме. Голос всякой души (неважно, значительной или нет) по отдельности нетверд и негромок; нить каждой жизни — малой или большой — тонка и ненадежна... А на экране все это соединяется в единый узор, все это обнимается безмерным лирическим сочувствием автора. Настолько безмерным, что он сам выходит из-за кадра и заключает фильм песней на стихи Поженяна: «Нужно, чтоб кто-то кого-то любил, / Толстых, худых, одиноких, недужных, / Робких, больных — обязательно нужно, / Нужно, чтоб кто-то кого-то любил»

Спето это с надрывом, отчаянно... Легкий, ироничный лирик, коим всегда был Петр Тодоровский — и на войне, и после нее, и в перестройку, и после нее, — сегодня явился в новом качестве. В качестве истового проповедника. Рассыпавшуюся, распавшуюся жизнь надо снова собирать по частям и приводить в чувство. Для начала — в лирическое.

«Жизнь забавами полна» — фильм о повседневности